

УДК 94(37).07
DOI 10.52452/19931778_2021_4_35

ДЕТИ СОЛДАТ И ДЕТИ-СОЛДАТЫ: РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ДЕТСТВА В СЕМЕЙНЫХ ПАМЯТНИКАХ РИМСКИХ ВОЕННЫХ

© 2021 г.

Е.С. Иванова

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород

selenai.ei95@gmail.com

Поступила в редакцию 15.06.2021

Изучение детей в контексте их социального окружения является современным трендом в историографии римского детства. К числу наиболее сложных вопросов (в связи с немногочисленностью сохранившихся свидетельств) в рамках этого направления относятся повседневная жизнь, а также процессы взросления и социализации детей, находившихся в римском военном сообществе. На основе анализа эпиграфических и иконографических источников выявляются социальные категории детей, присутствовавших в армейской среде, и определяется круг родительских ожиданий по отношению к ребёнку.

Ключевые слова: социальная история, история детства, римская семья, римская армия, эпиграфика, репрезентация, практики поминовения.

В настоящее время исследователи римского форта Виндоланда, расположенного на севере Англии, продолжают свою работу и занимаются изучением находок прошлых лет, в частности, они разбирают обширную коллекцию кожаных лоскутов, среди которых был найден необычный кусочек кожи, вырезанный в форме мыши. Мышь небольшая по размеру – 12.2 см в длину и 2.6 см в ширину. Она также имеет отметки на теле, обозначающие шерсть и глаза (рис. 1). Мышь была найдена в мешке с обрезками кожи, который был обнаружен ещё в 1993 г. во время раскопок комнаты в резиденции командующего офицера IV–V периода, когда в Виндоланде размещалась первая когорта тунгренгов. Это значит, что мешок с обрезками датируется 105–130 гг. н.э. Научные сотрудники музея Виндоланды считают, что кожаная мышь могла быть детской игрушкой [1].

Данная находка является очередным свидетельством того, что римское военное поселение не было исключительно мужским сообществом. Действительно, на территориях римских военных лагерей среди артефактов встречаются предметы, принадлежавшие женщинам и детям: обувь, украшения, гребни, игрушки¹. Кроме того, под полами лагерных зданий археологи периодически находят захоронения младенцев [4, р. 170], а иногда и детей более старшего возраста, как в знаменитом случае с «Джорджи». Такое имя дали скелету 8-летнего ребенка (пол которого не установлен), найденному в 2010 г. в неглубокой яме в углу одного из бараков Виндоланды [5, р. 30]. Детей данного возраста было не принято хоронить в доме из-за того, что они уже утратили ритуальную чистоту [6, р. 343];

однако положение рук скелета указывает на то, что ребёнок мог быть связан, и археологи предполагают, что смерть «Джорджи» была насильственной [5, р. 31]. Действительно ли убили «Джорджи»? Кем он был – рабом или членом семьи военнослужащего? Как он оказался на севере Англии (ведь изотопный анализ его эмали показал, что ребёнок большую часть жизни провёл либо на юге Европы, либо в Северной Африке [5, р. 31])? Все эти вопросы остаются открытыми. Итак, с одной стороны, археологические свидетельства явно указывают на пребывание женщин и детей в римских военных лагерях. С другой стороны, имеющихся сведений недостаточно для понимания того, как названные социальные категории жили в римском военном сообществе.

Расширить представления о детстве в военной среде позволяют данные эпиграфики и иконографии, а именно – сведения эпитафий и надгробных рельефов, посвященных семьям военнослужащих. Как отмечает Джонатан Эдмондсон, этот вид источников в наибольшей степени способен пролить свет на жизнь отдельных семей [7, р. 559]. Отметим, что произведение поминального искусства уже использовались историками-антиковедами для изучения истории римского детства. Однако первоначально, когда данное направление исследований еще только формировалось, самыми актуальными вопросами были следующие: выделялось ли римлянами детство как отдельная фаза жизни и были ли нежные чувства в отношениях между родителями и детьми [8, р. 436]. Названные вопросы возникли в ходе дискуссии о монологии Филиппа Арьеса «Ребёнок и семейная

Рис. 1. Игрушечная мышь из Виндоланды. Изображение взято с официального сайта музея Виндоланды.
URL: <https://www.vindolanda.com/news/roman-leather-mouse-discovered>

жизнь при Старом порядке» [9] и определили описательный характер работ: исследователи использовали изображения на саркофагах и надгробных памятниках для демонстрации того, что дети были особой группой населения империи [10; 11], а эпитеты из эпитафий, с помощью которых родители выражали своё горе из-за потери ребёнка, служили доказательством существования привязанности между членами семьи [12].

На современном этапе историки изучают особенности детских лет, проведенных в географически определенном месте и в конкретных социальных условиях, поскольку и то, и другое оказывает значительное влияние на социализацию ребёнка. Собственно, процессы социализации и передачи культурного наследия от одного поколения к другому внутри семьи и являются главной темой для исследователей римского детства [13; 14]. В данной статье предпринимается попытка оценить эвристический потенциал таких произведений поминального искусства, как эпитафии и надгробные рельефы, для исследования по истории детства в римском военном сообществе с целью определить, какие группы детей встречаются в семейных эпитафиях военных; как родители представляют своих детей в поминальном искусстве; какие культурные традиции и родительские ожидания скрываются за данными способами репрезентации.

Для решения данных задач мы выделили из коллекции Джейсона Мэндера [15] 261 памятник, посвященный семьям военнослужащих. На 54 из них сохранились и текст эпитафии, и рельефное изображение. В остальных случаях до нас дошли только рельефы. По изображенным на них элементам военного обихода, таким как оружие и военный плащ (*sagum*), данные памятники определяются как созданные для семей военнослужащих. Кроме того, из других баз данных [16; 17] известны надгробия с эпитафия-

ями, но без рельефов, – их насчитывается 107. Самые ранние памятники датируются 1-й половиной I в. н.э., самые поздние – 2-й половиной III в. н.э. Географически памятники происходят из разных уголков империи, однако подавляющее большинство (44%) было найдено в Дунайских провинциях.

В текстах эпитафий, помимо кровных детей высших командующих (18), центурионов (27), рядовых солдат (102) и других военнослужащих² (8), упоминаются младшие сёстры центурионов (AE 1900, 216), дети-рабы (CIL VI, 32796; 19698; CIL XIII, 6808) и такие особые категории римской *familia*, как *verna* (CIL XIII, 7067) и *alumnus* (RIU II, 57; CIL III, 4318)³. Термином *verna* называли детей рабов, которые появились на свет и выросли в доме хозяина. В историографии [18, p. 128–129; 19, p. 186–195] преобладает мнение о том, что *vernae* находились в более благоприятном положении по сравнению с обычными рабами. В детстве они могли быть единственной отдушиной для бездетных хозяев или выступать в роли товарищей для хозяйских детей. Также среди *vernae* встречаются внебрачные дети хозяина [19, p. 190]. Несмотря на это, *vernae* оставались рабами и могли быть привлечены к труду с 5 лет (Dig. VII. 7. 6. 1)⁴. По-видимому, их положение зависело от отношений внутри конкретной семьи. На единственном сохранившемся памятнике, где среди членов семьи моряка упоминается *verna* мужского пола по имени Сатто (CIL XIII, 7067), он не только назван в эпитафии, но и присутствует на рельефном изображении. В то же время родной сын семейства, который и был заказчиком памятника, на рельефе отсутствует⁵.

Что касается *alumni*, то так называли вскормленников или воспитанников. В военной среде они упоминаются только в монументах семей офицеров. Например, надгробие 15-летней Парфенопы поставил префект Флавий Секунд

(RIU II, 57), а памятник маленькому Гермению заказал ветеран Аврелий Гевтицин, служивший бенефициарием легата (CIL III, 4318). С одной стороны, отсутствие *alumni* в семьях рядовых солдат можно объяснить материальными сложностями, возникающими при воспитании чужого ребёнка; с другой стороны, как отмечает Дж. Мэндер [15, p. 132], отношения между *alumni* и приёмными родителями могли быть достаточно близкими, чтобы использовать при поминовении термин *fili*, «сыновья». Кроме того, важно отметить, что *alumni* по своему статусу всегда были ниже, чем принимающая их семья. Известны надписи, в которых этим термином называют детей-рабов [6, p. 252]. Поэтому многочисленных детей военнослужащих, оставшихся без попечения родителей⁶, называть термином *alumni* было бы юридически неправильно. Последние либо получали опекуна из числа сослуживцев отца (Dig. XXVII. 1. 8), либо сами поступали на военную службу, как в случае с Аврелием Максимианом, который стал солдатом тысячной когорты *Nemesenorum* в возрасте 14 лет (AE 1909, 149).

Итак, мы видим, что в военном сообществе присутствовали разные категории детей: свободные и рабы, полноправные и неполноправные. О последних уже было сказано выше, и далее стоит уделить внимание кровным детям военнослужащих.

Как мы отмечали выше, подавляющее число наших источников происходит из Дунайских провинций. Особенностью поминальных практик данного региона является то, что даже при смерти одного человека рельефное изображение создавалось для всей семьи [15, p. 84; 23; 24]. В большинстве случаев (84%) на рельефах представлены нуклеарные семьи. В прошлом преобладание нуклеарных семей в поминальном искусстве считалось доказательством распространенности этого типа в Римской империи⁷ [18; 25; 26]. В настоящее время исследователи сходятся во мнении, что члены семьи, названные в эпитафиях и изображенные на рельефах, могли никогда не видеть друг друга в жизни [27]. В особенности это касается детей. Например, в надписи, созданной солдатом Германием Валентом, поминаются две его дочери, которые имеют одно и то же имя – Аврелия Германилла (RIU 1161). Первая из них умерла в возрасте четырех лет, вторая – в два года. Традиционно девочкам давали женский вариант родового *nom* отца в качестве имени, поэтому одинаковые имена для сестёр не должны вызывать удивления (хотя в данном случае девочки наследовали *nom* матери). Однако к младшей Аврелии приписано необычное для эпитафии

прилагательное – *altera* (другая). Вероятно, что она была рождена уже после смерти старшей сестры. В другой надписи (CIL III, 3308), заказанной Цезернией, дочерью Фирмилла, для своего мужа, сыновей-солдат и внуков, сообщается, что муж Цезернии, отец семейства, умер в 44 года, а его старший сын – в 40 лет. Поскольку между отцом и сыном не бывает столь незначительной разницы в возрасте, мы можем заключить, что памятник был создан через много лет после смерти мужа Цезернии и что его внуки, сами умершие в 6-летнем возрасте, уже не застали деда в живых.

Описанная традиция поминовения всей семьи, а не только одного умершего члена, обычно связывается с представлением о гробнице как месте, где семья собирается в полном составе [6, p. 338]. По нашему мнению, такое представление ярче всего отразилось в эпитафии, созданной Викторией (AE 1992, 1442): судя по возрастным различиям, мать девушки, две её сестры и брат умерли задолго до установления монумента. Последний, по-видимому, был создан по завещанию отца Виктории – Ульпия Авита, ветерана I Элиевой когорты лучников. В данном случае поводом для создания памятника послужила последняя воля отца семейства. Помимо этого, в календаре римлян существовали специальные дни поминовения мёртвых как, например, Паренталии в феврале. В это время также можно было поставить монумент своей семье, как это сделали Урсулий Руфин и Домиция Севера (CIL V, 5907). С другой стороны, помимо культурных традиций, не стоит забывать о том, что не каждая семья могла себе позволить ставить отдельный памятник каждому умершему члену.

Как бы то ни было, мы можем заключить, что в эпитафиях и на рельефах семьи римских военнослужащих представлены в том составе, в каком они хотели бы, чтобы их помнили. Поэтому данный вид источников отражает скорее римские идеалы семьи, а не её действительную структуру. Соответственно, опираясь на эти памятники, невозможно определить среднее количество детей в семьях военнослужащих⁸.

Вторая особенность памятников семьям военнослужащих связана с их датировкой, а именно с тем фактом, что 64% надгробий было установлено в III в. н.э. Увеличение их числа в этот период обычно связывают с отменой Септимием Севером «брачного запрета»⁹ для солдат. Здесь представляется возможным провести аналогию с поминальными практиками вольноотпущенников. Последние вместе с римским гражданством получали право *conubium*, т.е. возможность вступать в юридически при-

Рис. 2. CIL III 15159. Фотография взята из базы изображений античных памятников Ubi Erat Lupa.
URL: <http://lupa.at/2846>

Рис. 3. RIU V, 1217. Фотография взята из базы изображений античных памятников Ubi Erat Lupa.
URL: <http://lupa.at/3559>

знанный брак. Дети, рожденные в таком браке, наследовали статус отца и также становились римскими гражданами [29, р. 3]. Это же право давалось и ветеранам до отмены «брачного запрета», его же приобрели все военнослужащие после реформы Септимия Севера [21, р. 353]. Получив правовое признание для своих семей, и вольноотпущенники, и военнослужащие стремились маркировать данное событие установлением монумента [15, р. 87]. Разница в поминальных традициях этих двух групп населения наблюдается в отношении детей. Вольноотпущенники создавали отдельный памятник для ребёнка, изображая его со всеми атрибутами римского гражданства, подчеркивая его таланты и интеллектуальные способности¹⁰. Такие дорогие монументы можно назвать памятниками несбывшихся надежд. Очевидно, освобожденные от рабского статуса родители надеялись, что их свободнорожденные дети улучшат и социальное, и материальное положение семьи и обеспечат им достойную старость.

Военнослужащие, как уже говорилось выше, помещали ребёнка в контекст семьи. Ведь именно семья, даже не имея юридического признания, могла дать ему всё необходимое для дальнейшего успеха: воспитание в соответствии с римскими военными ценностями, хорошее образование (BGU II, 423) и рекомендательные письма при поступлении в армию (P. Mich. VIII 468). В дальнейшем военная служба обеспечит сына-солдата и достойным жалованьем, и карьерным ростом, и почётным статусом после отставки. Из эпиграфических источников известен один случай [30], дающий возможность (благодаря редкому *nomēn*) проследить социальную мобильность семьи военнослужащего

из поколения в поколение. Предположительно, отец семейства – Весний Виатор (AE 1953, 242) – служил в должности центуриона на северо-западе римской Британии, о чём сообщает строительная надпись на мосту через реку Эден, который был сооружен центурией Виатора. Его сын [30, р. 180] – Весний Декстер (CIL XI, 6060) – стал римским всадником и патроном города Урбино, а внук – Весний Виндекс – сенатором и военным трибуном (CIL XI, 6053).

Поскольку военная служба открывала дорогу к высокому социальному положению, нет ничего удивительного в том, что военнослужащие ожидали от своих детей продолжения семейной традиции. Отражение такого ожидания мы видим и на рельефах, и в текстах эпитафий. В первом случае мы находим изображения детей военных, выполненные в традиции *puer senex* (зрелый ребёнок): мальчики представлены одетыми в военный плащ (*sagum*), иногда с оружием в руках (CIL III 15159, RIU V, 1217, Lupa 10715) (рис. 2). Кроме того, на некоторых изображениях присутствуют только отец и сын (даже если в эпитафии поминаются и другие члены семьи), представленные как верные товарищи по службе (CIL III 15159, RIU V, 1217) (рис. 3). Интересно, что в военной среде не получила распространения традиция, популярная у рядовых граждан, изображать детей с атрибутами богов и мифологических героев. Надежды на военную карьеру ребёнка выражались в представлении его в образе Геркулеса (CIL VI 22086) [15, р. 58].

Что касается непосредственно текстов эпитафий, то в них стоит обратить внимание на имена детей. Среди *cognomina* сыновей военных часто встречаются прилагательные, обо-

значающие качества или умения, присущие хорошему воину [31, р. 66]. Мы уже видели выше, что один из воинов в семье Весниев носит имя, подчеркивающее его ловкость – *Dexter* (CIL XI, 6060). *Cognomen* же второго означает «защитник» – *Vindex* (CIL XI, 6053). Подобные имена носили и мальчики, которые так и не успели стать солдатами: например, младшего представителя (умер в 8 лет) семьи ветерана Аврелия Барба звали Фирминиан (от *firmus* – ‘сильный, крепкий, стойкий’) (AE 1971, 339). Кроме того, среди имён можно найти и те, что принадлежат мифическим героям. Так, Марк Аврелий Ахиллес, ветеран II Вспомогательного легиона, дал своему сыну, прожившему всего 3 года, *cognomen* Диомед (CIL III, 10270)¹¹.

Весьма вероятно, что надежды отцов-воинов не были пустыми, и их сыновья действительно последовали бы за ними по армейскому пути, доживи они до зрелых лет. Ведь в тех семейных памятниках военнотружущих, в которых встречаются взрослые дети, мы обычно находим несколько поколений воинов: так, Валерий Сабин, солдат I Вспомогательного легиона, был сыном ветерана-дубликария I алы Ульпия Контариорум (CIL III, 4278)¹². С другой стороны, известно письмо отца (SB IV 7354), возможно бывшего солдата, в котором он упрекает сына в том, что тот, поддавшись увещаниям постороннего человека, не поступил на службу во флот. Отец сообщает, что провел два дня в печали, и предупреждает сына, что если тот ещё раз будет кем-то в чём-то убеждён, то он перестанет быть его сыном. Так или иначе, приведенный пример представляется скорее исключением, чем правилом.

Что касается дочерей, то в их рельефных изображениях традиции *puer senex* выражены не так ярко. Здесь можно выделить элементы одежды, которые иногда точно копируются с портрета матери (AE 1965, 12; AE 1965, 11; RIU V 160; Lupa 10715), а также указать на то, что младенцы представляются как дети более старшего возраста (AE 1986, 570). Однако последняя тенденция является общей для большинства римских памятников [33, р. 161]. В целом же девочки изображены в соответствии со своим возрастом и держат в руках предметы, являющиеся атрибутами римского детства. Чаще всего это птицы или фрукты (CIL III, 15188; AE 1982, 816). Тем не менее в историографии высказывается мнение о том, что надежды на будущее в отношении девочек всё же присутствуют в поминальном искусстве, но отражены они в особых эпитетах, характеризующих поминаемых [34, р. 27]. К таким эпитетам относят прилагательное *pietissima* («самая благочестивая») ¹³, предполагая, что его использование для

описания девочки подразумевает ожидание, что из неё получится жена, обладающая *pietas* [34, р. 27]. В нашей подборке данный эпитет встречается для поминовения только 7 девочек¹⁴. Немного чаще появляются прилагательные, выражающие нежное отношение к дочери – например, *carissima* (10) и *dulcissima* (8)¹⁵. В большинстве же случаев девочки (как и мальчики) поминаются без эпитетов. Возвращаясь к прилагательному *pietissima*, отметим, что *pietas* является базовой римской ценностью, и отношения, в основе которых должна лежать эта ценность, не ограничиваются только супружескими. *Pietas* проявляют и дети по отношению к родителям, и наоборот [35, р. 102–132]. Поэтому даже если за использованием эпитета *pietissima* и кроется некое ожидание, то это надежда на то, что девочка, став взрослой, будет почитать родителей так, как того требует *pietas*.

Итак, мы видим, что из эпитафий возможно получить информацию о социальной структуре определенного общества, в нашем случае – о социальных категориях детей, находившихся в военном лагере; а используя надписи в совокупности с рельефными изображениями, мы получаем возможность проникнуть во внутренний мир семьи и узнать о родительских ожиданиях, связывавшихся с детьми, и о мистической вере в воссоединение семьи в загробном мире. С другой стороны, стоит отметить, что, изучая институт детства через практики репрезентации детей в том или ином виде искусства, мы смотрим не столько на самих детей, сколько на то, какими их видели взрослые. Чтобы преодолеть данное ограничение, необходимо постоянно сравнивать сведения, получаемые из эпитафий и рельефов, с теми, которые предоставляют нам источники (к сожалению, крайне немногочисленные), оставленные непосредственно детьми¹⁶. Завершая разговор об эпиграфике, приведём цитату Марка Блока: «Передо мной надгробная римская надпись: единый и цельный по содержанию текст. Но какое разнообразие свидетельств таится в нем, ожидая прикосновения волшебной палочки ученого!» [36, с. 82–83].

Примечания

1. См. обзор находок, свидетельствующих о присутствии женщин и детей в римских военных поселениях: [2; 3].

2. В надписях встречаются указания на различные должности или привилегированное положение: *beneficiarius* (Lupa 5042), *bucinator* (RIU VI, 1434), *cornicularius* (AE 1950, 114; CIL III, 15159), *duplicarius* (AE 1909, 146), *vexillarius* (RIU V, 1217), *frumentarius* (AEA 1993/98, 133), *immunis* (CIL III, 3531).

3. Гай (Gai. Inst. I.196) ограничивает детство 14 годами. Но поскольку в историографии преобладает мнение о том, что римские жизненные стадии определялись индивидуальными особенностями человека и социальными условиями, а не возрастом [6, р. 134–145; 15, р. 3–8], мы включили в нашу подборку и тех, кто достиг 18 лет на момент смерти.

4. См., например, эпитафии детей-*vernaum*, которых хвалят за достижения в своём ремесле: ILS 7755. О детском труде в целом см.: [20].

5. См. дискуссию об этом памятнике: [15, р. 124–125].

6. Исследователи отмечают, что для военных характерны поздние браки. Данное обстоятельство наряду с опасностями службы в армии ставило детей военнослужащих в неблагоприятное положение, поскольку они рисковали остаться как минимум без отца в раннем возрасте. См.: [21, 22].

7. Джонатан Эдмондсон утверждает, что данное предположение базировалось на неправильной интерпретации выводов Ричарда Сэллера и Brenta Шоу [25], которые стремились не определить состав и структуру семьи, а показать, между какими членами семьи были более крепкие связи и на кого в первую очередь возлагались обязанности поминования [7, р. 568].

8. Более подходящими для изучения данного вопроса являются военные дипломы. См.: [28].

9. Запрет на вступление в брак для военнослужащих был установлен Октавианом Августом. См. подробнее в: [21].

10. См., например: CIL VI, 33976, 26410.

11. См. другие примеры в: [32].

12. См. также: CIL III, 1474; CIL VIII, 2817; RIU V, 1176; AE 2017, 1181; CIL III, 3395.

13. Подробнее о значении данного эпитета см.: [29, р. 229–261].

14. См.: CIL III, 1203, 2036, 15165, 3531; AE 1993, 167; Lupa 23332; ILD 697.

15. См.: CIL III, 12056; ILJug II, 786; AE 2017, 60; AE 1971, 416; RIU V, 1178; AE 1974, 527; AE 1973, 177; CIL XI, 138; CIL IX, 1583; AE 1964, 9.

16. К таким источникам относятся письма детей, их школьные упражнения и другие записи, сохранившиеся на папирусах и деревянных табличках. Однако обращение к ним требует отдельной работы.

Список сокращений, используемых при ссылках на источники

Надписи и папирусы

AE – L'année épigraphique. Paris: Presses Universitaires de France, 1881–...

AEA – Annona Epigraphica Austriaca, 1979–...

BGU – Berliner griechische Urkunden. Aegyptische Urkunden aus den königlichen Museen zu Berlin. Bd. 1–9. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1892–1937.

CIL – Corpus inscriptionum Latinarum / Hrsg. A. Degraffi. Berlin: Apud Gergium Reimerum, 1863–...; N. S.: 1981–...

ILD – C.C. Petolescu, Inscriptiї latine din Dacia (ILD) (București: Editura Academiei Române, 2005).

ILJug – A. Šašel – J. Šašel, Inscriptiones Latinae quae in Iugoslavia inter annos ... et ... repertae et editae sunt (Ljubljana 1963–1986).

ILS – H. Dessau, Inscriptiones Latinae selectae (Berlin: Berolini Apud Weidmannos, 1892–1916).

Lupa – Die Texte stammen aus der Datenbank ubi erat lupa (URL: <http://lupa.at/>).

P. Mich. – Papyri in the University of Michigan Collection / Eds. C.C. Edgar, A.E.R. Boak, J.G. Winter et al. Ann Arbor, 1931–...

RIU – Barkóczy L., Mócsy A. Die römischen Inschriften Ungarns. Lieferung 1–2. Budapest, 1972–1976.

SB – Preisigke F. et al. Sammelbuch griechischer Urkunden aus Ägypten. Strassburg; Berlin; Leipzig 1913–...

Юридические памятники

Dig. – Digestae Iustiniani («Дигесты» Юстиниана). Gai. Inst. – Gaius. Institutiones (Гай «Институции»).

Список литературы

1. Roman Leather Toy Mouse Discovered, 16.05.2020 // Vindolanda: Charitable Trust. URL: <https://www.vindolanda.com/news/roman-leather-mouse-discovered> (дата обращения: 02.04.2021).

2. Allison P.M. People and Spaces in Roman Military Bases. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. 479 p.

3. Driel-Murray C., van. Vindolanda and the Dating of Roman Footwear // Britannia. 2001. Vol. 32. P. 185–197.

4. Allison P.M. Soldiers' Families in the Early Roman Empire // A Companion to Families in the Greek and Roman Worlds / Ed. B. Rawson. Oxford: Wiley-Blackwell, 2011. P. 161–182.

5. McCardel L. Women on the Wall: The Roles and Impact of Women on Hadrian's Wall. Savannah: Master's Thesis. Savannah College of Art and Design, 2013. 73 p.

6. Rawson B. Children and childhood in Roman Italy. Oxford – New York: Oxford University Press, 2003. 419 p.

7. Edmondson J. Roman Family History // The Oxford Handbook of Roman Epigraphy. Oxford: Oxford University Press, 2015. P. 559–581.

8. Vuolanto V. Children in the Roman World: Cultural and Social Perspectives. A Review Article // Arctos: Acta Philologica Fennica. 2014. Vol. 48. P. 435–450.

9. Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке / Пер. с франц. Я.Ю. Старцева при участии В.А. Бабинцева. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 1999. 416 с.

10. Huskinson J. Roman Children's Sarcophagi: Their Decoration and its Social Significance. Oxford: Clarendon Press, 1996. 162 p.

11. Rawson B. Representations of Roman Children and Childhood // Antichthon. 1997. Vol. 31. P. 74–95.

12. Laes C. High Hopes, Bitter Grief. Children in Latin Literary Inscriptions // Virtutis Imago. Studies on the Conceptualisation and Transformation of an Ancient Ideal / Ed. G. Partoens, G. Roskam, T. Van Houdt. Peeters. Leuven, 2004. P. 43–77.

13. Children and Everyday Life in the Roman and Late Antique World / Ed. C. Laes, V. Vuolanto. London; New York: Routledge, 2017. 390 p.

14. Children, Memory, and Family Identity in Roman Culture / Ed. V. Dasen and T. Späth. Oxford: Oxford University Press, 2010. 373 p.
15. Mander J. Portraits of Children on Roman Funerary Monuments. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. 397 p.
16. Epigraphik-Datenbank Clauss / Slaby (EDCS). URL: <http://www.manfredclauss.de/gb/index.html> (дата обращения: 02.04.2021).
17. Epigraphic Database Heidelberg (EDH) // Heidelberg Academy of Sciences and Humanities. URL: <https://edh-www.adw.uni-heidelberg.de/home> (дата обращения: 02.04.2021).
18. Dixon S. The Roman Family. London-Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1992. 279 p.
19. Rawson B. Children in the Roman familia // The Family in Ancient Rome: New Perspectives / Ed. B. Rawson. London and Sydney: Croom Helm, 1986. P. 170–200.
20. Bradley K.R. Child Labour in the Roman World // Historical Reflections. 1985. Vol. 12. No. 2. P. 311–330.
21. Phang S.E. The Families of Roman Soldiers (First and Second Centuries A. D.): Culture, Law, and Practice // Journal of Family History. 2002. Vol. 27. № 4. P. 352–373.
22. Scheidel W. Marriage, Families, and Survival: Demographic Aspects // A Companion to the Roman Army / Ed. P. Erdkamp. Oxford: Oxford University Press, 2007. P. 417–434.
23. Boatwright M.T. Children and Parents on the Tombstones of Pannonia // The Roman Family in the Empire: Rome, Italy and beyond / Ed. by M. George. Oxford–New York: Oxford University Press, 2005. P. 287–318.
24. Carroll P.M. Commemorating Military and Civilian Families on the Danube Limes // Proceedings of the XXIInd International Congress of Roman Frontier Studies held in Ruse, Bulgaria (September 2012). Sofia: National Archaeological Institute, 2015. P. 501–509.
25. Saller R.P., Shaw B.D. Tombstones and Roman Family Relations in the Principate: Civilians, Soldiers and Slaves // The Journal of Roman Studies. 1984. Vol. 74. P. 124–156.
26. Shaw B.D. The Cultural Meaning of Death: Age and Gender in the Roman Family // The Family in Italy from Antiquity to the Present / Ed. Kertzer and Saller. New Haven and London: Yale University Press, 1991. P. 66–90.
27. Hübner S.R. Household Composition in the Ancient Mediterranean: What Do We Really Know? // A Companion to Families in the Greek and Roman Worlds / Ed. B. Rawson. Oxford: Wiley-Blackwell, 2011. P. 73–91.
28. Greene E.M. Women and Families in the Auxiliary Military Communities of the Roman West in the First and Second Centuries AD: PhD Thesis. University of North Carolina. Chapel Hill, 2011. 378 p.
29. Treggiari S. Roman Marriage: Iusti Coniuges from the Time of Cicero to the Time of Ulpian. Oxford: Clarendon Press, 1991. 578 p.
30. Birley E. A centurial inscription from Carlisle // Roman Britain and the Roman Army: collected papers. Kendal: Titus Wilson and Son, Ltd., 1953. P. 179–180.
31. Dean L.R. A Study of the Cognomina of Soldiers of the Roman Legions: PhD Thesis. Princeton, N. J.: Princeton University, 1916. 321 p.
32. Махлаюк А.В., Негин А.Е. Повседневная жизнь римской армии. СПб.: Евразия, 2021. С. 383–384.
33. Carroll M. Mother and Infant in Roman Funerary Commemoration, in Maureen // Infant Health and Death in Roman Italy and Beyond / Ed. M. Carrol, E.-J. Graham. Journal of Roman Archaeology: Portsmouth, 2014. P. 159–178.
34. Kelley A. Glorified Daughters: The Glorification of Daughters on Roman Epitaphs: Master's Thesis. Kent State University, 2013. 96 p.
35. Saller R.P. Patriarchy, Property and Death in the Roman Family. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. 249 p.
36. Блок М. Апология истории или ремесло историка / Пер. с франц. Е.М. Лысенко. М.: Наука, 1986. 254 с.

**THE CHILDREN OF SOLDIERS AND CHILD SOLDIERS:
REPRESENTATION OF CHILDHOOD IN THE FAMILY MONUMENTS
OF THE ROMAN MILITARIES**

E.S. Ivanova

The study of children in the context of their social environment is a current trend in the historiography of Roman childhood. The most complicated issues in these studies (due to the scarcity of surviving evidence) include everyday life as well as the processes of growing up and socialization of the children who dwelt in the Roman military community. In this paper, which is based on the analysis of epigraphic and iconographic sources, the social categories of children who dwelt among the soldiers are identified. Besides, the parents' expectations in relation to a child are defined.

Keywords: social history, the history of childhood, the Roman family, the Roman army, epigraphy, representation, the practices of commemoration.

References

1. Roman Leather Toy Mouse Discovered, 16.05.2020 // Vindolanda: Charitable Trust. URL: <https://www.vindolanda.com/news/roman-leather-mouse-discovered> (дата обращения: 02.04.2021).
2. Allison P.M. *People and Spaces in Roman Military Bases*. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. 479 p.
3. Driel-Murray C., van. *Vindolanda and the Dating of Roman Footwear* // *Britannia*. 2001. Vol. 32. P. 185–197.
4. Allison P.M. *Soldiers' Families in the Early Roman Empire* // *A Companion to Families in the Greek and Roman Worlds* / Ed. B. Rawson. Oxford: Wiley-Blackwell, 2011. P. 161–182.
5. McCardel L. *Women on the Wall: The Roles and Impact of Women on Hadrian's Wall*. Savannah: Master's Thesis. Savannah College of Art and Design, 2013. 73 p.
6. Rawson B. *Children and childhood in Roman Italy*. Oxford – New York: Oxford University Press, 2003. 419 p.
7. Edmondson J. *Roman Family History* // *The Oxford Handbook of Roman Epigraphy*. Oxford: Oxford University Press, 2015. P. 559–581.
8. Vuolanto V. *Children in the Roman World: Cultural and Social Perspectives. A Review Article* // *Arctos: Acta Philologica Fennica*. 2014. Vol. 48. P. 435–450.
9. Arjes F. *The child and family life under the Old Order* / Translated from French by Ya.Yu. Startseva with the participation of V.A. Babintseva. Yekaterinburg: Publishing House of the Ural University, 1999. 416 p.
10. Huskinson J. *Roman Children's Sarcophagi: Their Decoration and its Social Significance*. Oxford: Clarendon Press, 1996. 162 p.
11. Rawson B. *Representations of Roman Children and Childhood* // *Antichthon*. 1997. Vol. 31. P. 74–95.
12. Laes C. *High Hopes, Bitter Grief. Children in Latin Literary Inscriptions* // *Virtutis Imago. Studies on the Conceptualisation and Transformation of an Ancient Ideal* / Ed. G. Partoens, G. Roskam, T. Van Houdt. Peeters. Leuven, 2004. P. 43–77.
13. *Children and Everyday Life in the Roman and Late Antique World* / Ed. C. Laes, V. Vuolanto. London; New York: Routledge, 2017. 390 p.
14. *Children, Memory, and Family Identity in Roman Culture* / Ed. V. Dasen and T. Späth. Oxford: Oxford University Press, 2010. 373 p.
15. Mander J. *Portraits of Children on Roman Funerary Monuments*. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. 397 p.
16. *Epigraphik-Datenbank Clauss / Slaby (EDCS)*. URL: <http://www.manfredclauss.de/gb/index.html> (дата обращения: 02.04.2021).
17. *Epigraphic Database Heidelberg (EDH)* // Heidelberg Academy of Sciences and Humanities. URL: <https://edh-www.adw.uni-heidelberg.de/home> (дата обращения: 02.04.2021).
18. Dixon S. *The Roman Family*. London-Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1992. 279 p.
19. Rawson B. *Children in the Roman familia* // *The Family in Ancient Rome: New Perspectives* / Ed. B. Rawson. London and Sydney: Croom Helm, 1986. P. 170–200.
20. Bradley K.R. *Child Labour in the Roman World* // *Historical Reflections*. 1985. Vol. 12. No. 2. P. 311–330.
21. Phang S.E. *The Families of Roman Soldiers (First and Second Centuries A. D.): Culture, Law, and Practice* // *Journal of Family History*. 2002. Vol. 27. № 4. P. 352–373.
22. Scheidel W. *Marriage, Families, and Survival: Demographic Aspects* // *A Companion to the Roman Army* / Ed. P. Erdkamp. Oxford: Oxford University Press, 2007. P. 417–434.
23. Boatwright M.T. *Children and Parents on the Tombstones of Pannonia* // *The Roman Family in the Empire: Rome, Italy and beyond* / Ed. by M. George. Oxford–New York: Oxford University Press, 2005. P. 287–318.
24. Carroll P.M. *Commemorating Military and Civilian Families on the Danube Limes* // *Proceedings of the XXIIInd International Congress of Roman Frontier Studies held in Ruse, Bulgaria (September 2012)*. Sofia: National Archaeological Institute, 2015. P. 501–509.
25. Saller R.P., Shaw B.D. *Tombstones and Roman Family Relations in the Principate: Civilians, Soldiers and Slaves* // *The Journal of Roman Studies*. 1984. Vol. 74. P. 124–156.
26. Shaw B.D. *The Cultural Meaning of Death: Age and Gender in the Roman Family* // *The Family in Italy from Antiquity to the Present* / Ed. Kertzer and Saller. New Haven and London: Yale University Press, 1991. P. 66–90.
27. Hübner S.R. *Household Composition in the Ancient Mediterranean: What Do We Really Know?* // *A Companion to Families in the Greek and Roman Worlds* / Ed. B. Rawson. Oxford: Wiley-Blackwell, 2011. P. 73–91.
28. Greene E.M. *Women and Families in the Auxiliary Military Communities of the Roman West in the First and Second Centuries AD*: PhD Thesis. University of North Carolina. Chapel Hill, 2011. 378 p.
29. Treggiari S. *Roman Marriage: Iusti Coniuges from the Time of Cicero to the Time of Ulpian*. Oxford: Clarendon Press, 1991. 578 p.
30. Birley E. *A centurial inscription from Carlisle* // *Roman Britain and the Roman Army: collected papers*. Kendal: Titus Wilson and Son, Ltd., 1953. P. 179–180.
31. Dean L.R. *A Study of the Cognomina of Solders of the Roman Legions*: PhD Thesis. Princeton, N. J.: Princeton University, 1916. 321 p.
32. Makhlayuk A.V., Negin A.E. *Daily life of the Roman Army*. St. Petersburg: Eurasia, 2021. P. 383–384.
33. Carroll M. *Mother and Infant in Roman Funerary Commemoration, in Maureen* // *Infant Health and Death in Roman Italy and Beyond* / Ed. M. Carrol, E.-J. Graham. *Journal of Roman Archaeology*: Portsmouth, 2014. P. 159–178.
34. Kelley A. *Glorified Daughters: The Glorification of Daughters on Roman Epitaphs*: Master's Thesis. Kent State University, 2013. 96 p.
35. Saller R.P. *Patriarchy, Property and Death in the Roman Family*. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. 249 p.
36. Blok M. *The Apology of history or the craft of a historian* / Translated from French by E.M. Lysenko. M.: Nauka, 1986. 254 p.